

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая
НА БАРМАЛЕЕВОЙ

7

Часть вторая
ПРАЗДНИК ДУШИ

211

Моим друзьям

Часть первая
НА БАРМАЛЕЕВОЙ

Если быть предельно точным, то всё началось в конце мая, когда майор Чистов занимался лечением зубов. Ему нравилось лечить зубы в мае. Занятие само по себе, конечно, мало-приятное, но на фоне пробуждающейся природы — а в Петербурге она в мае только пробуждается — делать это как-то легче.

Вылечив больные зубы, вместе со счетом за лечение майор получил их рентгенограмму. Изображение было контрастным, четким, но несколько необычным. Картинка представляла не только челюсти, но и в целом череп майора. Надо думать, что машина, делавшая снимок, старалась смотреть на вещи широко.

Первым желанием Чистова было бросить свой череп в корзину, но в последний момент ему стало жаль выбрасывать такой артефакт. Майор взял снимок на службу и повесил его над столом. Отвечая на вопрос, чей это череп, он становился рядом с изображением и отвечал вопросом на вопрос: «Разве не похож?». Чтобы сделать ему приятное, собеседники цокали языком — мол, да, конечно, похож. Мол, как они сразу не заметили портретного сходства? Те же черты, то же задумчивое выражение и та же грустинка в... Нет, не в глазах, потому что глаз — не было. Просто — грустинка.

Такое подробное объяснение даю только потому, что мой литературный наставник Филипп Семенович Прохлада — человек старой школы, любит портреты и пейзажи. Ну вот, можно считать, что портрет майора, пусть краткий и предварительный, я дал. Я сказал Филиппу Семеновичу, что есть у меня и план описания пейзажа: он будет помещен чуть позже, когда речь пойдет о Серафимовском кладбище.

Прохлада поворчал немного (и портрет, и пейзаж показались ему мрачноватыми), но в целом остался доволен. И вот что примечательно: с тех пор, как майор повесил рентгенограмму над столом, он приобрел свойство снимавшей его машины и время от времени видел окружающих в облике скелетов, не говоря уже об умерших, которые являлись ему чаще всего именно в таком виде. И еще. У майора появилась странная привычка: задумавшись, он ощупывал свой череп. Сантиметр за сантиметром исследовал кости глазниц, ушных отверстий и скул. Это помогало ему сосредоточиться.

Вот так простая рентгенограмма черепа способна изменить человека, сделать его глубже, сосредоточенней. Какое-то необычное умонастроение отмечалось у Чистова с детства, но в полной мере интерес к метафизике проявился у него в эти майские дни. Здесь можно вспомнить его прогулки по кладбищам, во время которых он, по его словам, скорбел о превращении живых людей в мертвых и, напротив, радовался грядущему превращению мертвых в живых.

Он размышлял о том, что граница между теми и другими пролегает именно здесь, и что пока она проходима лишь в одну сторону. Вместе с тем, для вечности не существует *пока*, так что положение может

измениться в любой момент. Наконец, он стал думать о душе, чью рентгенограмму он, увы, не мог повесить в кабинете. Она, как известно, нематериальна.

Вскоре в Петербурге прогремело так называемое «Дело близнецов». Речь шла о гибели известного нейрофизиолога, занимавшегося проблемами искусственного интеллекта (ИИ). Большой общественный интерес к делу объяснялся просто: в круг подозреваемых впервые в истории попал робот. Звали его Иван Иванович, что также соотносилось с двумя волшебными буквами «И».

Автор этих строк, Егор Ведерников, был тогда молодым лейтенантом и ведущей роли в расследовании не играл. Он и сейчас молод, но уже не лейтенант. Если позволите — старший лейтенант. Говорю это не хвастовства ради, а фактической точности для. Лейтенант выезжал на задержания и выполнял самые разные поручения майора Чистова, руководившего следствием.

Думаю, всем, кто знал майора, было известно, что сотрудничество с ним — занятие не из простых. Взяв дело в свои руки, никаких других рук он уже не допускал. Очень, добавлю в скобках, был самостоятельный майор. Оттого, нужно думать, так и остался майором.

Итак, занятием молодого лейтенанта (меня, если что) была расшифровка диктофонных записей допросов, ну и вообще работа с бумагами, которой майор Чистов, прямо скажем, гнушался. В то время как ваш покорный слуга эту работу любил.

И будет любить.

И этого не стесняется.

Он является автором не только этих строк: им написаны многие официальные тексты нашего коллек-

тива, не говоря уже о поздравлениях и капустниках. И, верите ли, всюду — включая протоколы допросов — молодой сотрудник (речь опять-таки обо мне) находил возможность как-то украсить текст. Может быть, даже раскрасить, сделать его из черно-белого цветным. Несколько менее сухим, понимаете?

Язык протоколов — не побоюсь этого слова — безлик. Можно даже подумать, что один и тот же следователь всякий раз допрашивает одного и того же подозреваемого. Смелее, ребята, не устаю говорить я своим коллегам. Грамотно ведущий протокол идет по тропе Шекспира, Островского, Чехова. Да того же Ионеско — почему нет...

Кто же, как не я, мог взяться за книгу об этом удивительном деле? Обстоятельства его столь непросты, что уже одно это выводит его за все и всяческие рамки. Ведь обычные наши расследования мало напоминают Холмса-Пуаро-Мегрэ с их тонким психологизмом. Причинно-следственные связи у нас весьма скудны и в основном охватываются выражениями вроде «в результате распития спиртных напитков», «на почве неприязненных отношений» или даже отдельными словами — такими, скажем, как «ножевое», «огнестрел» и т.п.

В деле же о близнецах эти связи настолько сложны, что в сравнении с ними схема полетов «Аэрофлота» может показаться детским рисунком. Эта цветущая сложность, словно магнитом, притягивала новые связи, и всё это сплеталось в тугой узел, который нам и предстояло развязать. Подчеркиваю: не разрубить — развязать.

При этом время не стояло на месте: старые сведения перекрывались новыми, а новые, как водится, —

старыми. Реальность шла рука об руку с мифом, то и дело высвечивались незнакомые населенные пункты и лица. В газетных репортажах возник и исчез город Торжок, потом приезжал человек из *лиги стеклодувов*, располагающий якобы важной для следствия информацией. Был в смокинге, при бабочке и держался, ну, прямо как Гусь-Хрустальный. Появление стеклодува оказалось чистым надувательством: никакой информации у него не было, просто он любил общаться с полицией. Иными словами, масса вещей и событий крутилась вокруг следствия, как космический мусор вокруг космического же корабля. Разве это само по себе не повод написать книгу, которая отделила бы зёрна от плевел, и покончить наконец с пространственно-временной неразберихой?

Мой ответ: да, повод.

В сущности, не такая уж это сложная задача — написать книгу. Событийную часть время от времени разбавляешь, скажем, портретом либо пейзажем, имя и фамилию героя последовательно чередуешь с местоимениями — ничего сложного. Можно еще изредка пошутить — но только слегка, без фанатизма. Просто чтобы освежить восприятие.

Как уже отмечалось, в области литературы автор этих строк является учеником Филиппа Семеновича Прохлады, полковника в отставке, автора романа «Негромкий выстрел» и нашего пресс-секретаря на покое. Все, кто с ним знаком, понимают, что покой Филиппу Семеновичу только снится: подразделения самых разных силовых структур стремятся послать к нему перспективную в смысле отечественной словесности молодежь. Все мы в разное время слышали

его обнадеживающие слова, а порой, напротив, и не очень обнадеживающие. Если называть вещи своими именами, то — форменную критику.

Так, мне в свое время было указано на то, что писать официальные тексты от первого лица считается нескромным. По крайней мере, в единственном числе, потому что *я*, по поговорке, — последняя буква алфавита. Я, помнится, густо покраснел — по крайней мере, мне так показалось. Это прозвучало как негромкий выстрел. И хотя я усвоил, что в первом лице нужно писать не *я*, а *мы*, универсальным это правило не считаю. В отделе местоимений Лингвистического института мне вообще сказали, что такое представление архиархаично.

Когда я сказал об этом Прохладе, он, подумав, ответил, что лучше всего вообще обходиться без местоимений. Написать: *автор этих строк* или *ваш покорный слуга*. Как это уже и было сделано выше. Не забудем также, что рассматриваемые материалы проходили через его, покорного слуги, руки, а в минуты откровенности ему кое-что рассказывал неоткровенный обычно Чистов.

Говорят, что в нашем случае секрет успеха имеет более сложную природу, что не последнюю роль сыграл и талант пишущего... Не знаю, такой ли уж это талант, но людям, как говорится, виднее. Некоторые, имея в виду Прохладу и меня, говорят, что, возможно, ученик превзошел учителя. Автор (этих, разумеется, строк) говорит об этом единственно для того, чтобы объяснить, почему именно он решил рассказать об упомянутом резонансном деле.

Вообще говоря, большинство резонансных дел происходит именно в нашем городе. Гордиться здесь

особенно нечем, но, согласитесь, факт сам по себе — примечательный. Очевидно, все, включая преступный элемент, предпочитают действовать в красивых местах или, проще сказать, *локациях*. Взять того же доцента Соколова, застрелившего и расчленившего свою студентку. Только представьте на минуточку: ночь, ледяная рябь канала... Кстати, вспомнилась в этой связи шутка. В Москве две женщины не поделили мужа. А в Петербурге — поделили...

Но — к делу. На Петроградской стороне застрелили человека. На Бармалеевой улице. Услышав это, многие из петербуржцев сочли случившееся закономерным: если убийство, то, пожалуй что, на Бармалеевой. Уж такая это улица. Независимо от того, был Бармалей реальным лицом или литературным персонажем, репутация его сомнительна. Его имя бросает на эту улицу тень — недаром она в буквальном смысле вся в тени. Выражаясь в современном духе, фигура Бармалея — токсична.

Как только стало известно об убийстве, на Бармалееву улицу выехала машина Межведомственного отряда правоохранителей Санкт-Петербурга (МОПС). Считается, что это созданное недавно спецподразделение расследует наиболее важные дела. Вызов таких профессионалов на Бармалееву объяснялся, я думаю, сочетанием двух вещей: нейрофизиологии и искусственного интеллекта (ИИ).

Машина марки «Лада» двигалась по Петроградской стороне не торопясь, потому что спешить ей, в общем, было некуда. Худшее уже произошло, и срочного вмешательства вроде бы не требовалось. Машина переезжала через *лежащих полицейских*, и в такие моменты майор Чистов с удовлетворением думал о том,

что его, ввиду комплекции, так просто никто бы не переехал...

Молодая сотрудница Межведомственного отряда Валерия, которой я иногда читаю написанное вслух, спрашивает меня — как это, мол, я могу знать, что думал майор?

Валерия.

Лера.

Послушай...

Человек, с молодых ногтей воспитанный в уважении к субординации, я, тем не менее, убежден, что нет у майора таких мыслей, которых не могло бы быть у лейтенанта. Это во-первых. Во-вторых, есть такое понятие, как художественная условность. Мы условились, что автор знает всё. То есть, условились не мы, условились до нас, еще на заре литературы, но я этому негласному закону следую. И призываю следовать Леру — если она, конечно, хочет дружить с литературой. Или, допустим, с литераторами...

Смеется.

— Ты следовательно, ты и следуешь. А я не могу: не верю! — говорит Лера Станиславская. — Мне нужно, чтобы человек описывал только то, что может увидеть.

Славная девочка. Между прочим, тоже лейтенант.

Продолжим описание дороги. Водитель пропускал на переходах тех, кому нужно было перейти через улицу. Как, впрочем, и тех, кому не нужно было, кто обычно переходит просто так, за компанию. Такие пешеходы двигаются очень медленно, словно не уверены в правильности своих действий. Этим приходится сигналить. Оно и понятно: раз уж ты оказался у перехода, изволь, господин хороший, переходить, а не изображать, понимаешь, все и всяческие сомнения.

Не составляет тайны, что полицейская машина в какой-то степени побуждает прохожих ступить на зебру, ведь перебежать улицу перед машиной с мигалкой — это, согласитесь, большое искушение. Даже если мигание не сопровождается сиреной. Даже если это не гордость немецкого автопрома, а скромное изделие тольяттинских умельцев. Полицейская «Лада» терпеливо пропускала всех желающих перейти.

Справа от водителя сидел единственный пассажир — майор Чистов. Каспар. Такое вот имя, хотя я не слышал, чтобы кто-то называл его по имени. Майор Чистов. Или просто: Чистов. Водитель время от времени косился на майора, но тот не поворачивал головы и сидел с видом впередсмотрящего. Обычно молчал, особенно если ехал от зубного — как сейчас. Был в то же время в бодром настроении, как бывает бодр человек, избавившийся от длительной зубной боли. Пусть и ценой потери зуба — у него их еще полно, зубы — не проблема.

Майор говорил, что испытывает затруднения с двумя вещами на свете: надевать носки и шнурки завязывать. Звонко хлопал себя по животу: вот эта часть организма, понимаешь, мешает. А всё остальное — может. Насчет всего остального он, конечно, преувеличивал, но ведь и говорил это как бы не всерьез. Ну, хорошо: даже если всерьез, то не преувеличение ли прокладывает путь прогрессу? Вспомним, что достижению всегда предшествует мечта. Вспомним также и о том, что слово *майор* в переводе буквально значит *большой*. Это также настраивает на прогрессивный лад.

А с носками и шнурками ему помогали посторонние. Чаще всего — дамы, так или иначе попадавшие

в его дом. Попадавшие и пропадавшие, шутил майор, потому что уходили они обычно, не прощаясь. Если же решали попрощаться, то бросали ему обвинения в неприспособленности к жизни и утверждали, что вынести его, Чистова, невозможно. В таких случаях он вытягивал обе руки ладонями вверх, как бы изобразая вынос Чистова. Как бы сгибаясь под непосильной ношей. Он был очень полным, этот майор. Ну, просто даже тучным — если учитывать созвучие этого слова с тучей.

Когда садился в полицейскую машину, та, словно после удара под дых, издавала короткое *хы!* — и резко просаживалась. Потом тащиась по дороге, едва не касаясь днищем асфальта. Причем с явным перекосом на правую переднюю часть: место майора, как уже сказано, было рядом с водительским.

При этом пристегивать ремень безопасности уже не получалось — элементарно не хватало длины. Так и ехали первые пять минут под бодрое пиликанье, ну, и под его ругань, конечно: майор Чистов стыдил программу контроля. Особенно его раздражала ее невозмутимость — вот это самое *пи-пи-пи* на одном тоне.

Зазвонил мобильник. Подполковник Гушин, начальник майора Чистова, приглашал на ужин.

— У вас, господин подполковник, э-э-э, какое-то событие?

— Да не то чтобы... То есть, свадьба не свадьба, скорее — так, вечеринка.

Приглашение сегодня на сегодня. Чистов тут же довел до сведения начальника, что на Бармалеевой — труп, и он, увы, едет туда. За словом *увы* скрывалось тихое торжество. Дело, конечно, не в трупе. Просто странное это, если вдуматься, занятие — ужинать

с начальником. Да еще неясно, с какой женой. Подавленный оперативной информацией, подполковник пробормотал что-то невнятное и отключился. Чистов вздохнул с облегчением.

Через минуту опять раздался звонок Гущина. Его голос неожиданно рассыпался радостным женским смехом, будто офицер, огорченный отказом, экстренно сменил пол. Подполковник сообщил, что передает трубку жене. Жена, слегка заикаясь, спросила, а знает ли майор Чистов, по какому адресу его ожидает ужин. Майор Чистов этого, естественно, не знал. Как не знал и того, что жена подполковника, оказывается, заика.

Речь шла, как это ни удивительно, об 11-й линии Васильевского острова. И линия, и номер дома совпадали с адресом майора. Он осторожно осведомился, приглашают ли его к самому себе. Нет, ответила трубка, его приглашают не к себе, а именно что к ним. Дальним фоном звучал голос подполковника, подтверждающий приглашение.

Оказалось, что в этом доме Гущин снял квартиру.

— Снял квартиру? — эхом уточнил майор, хотя уточнять здесь, в сущности, было нечего.

Чистов счел необходимым выразить радость, хотя на самом деле сильно расстроился. Дуэт в трубке был уверен, что вечером порадуются все вместе. Майору было предложено разобраться с его трупками по-быстрому — так, чтобы осталось время вечером посидеть.

— Трупак всего один, — напомнил майор.

— Пока один, — поправил его подполковник; смех в трубке. — А потом могут посыпаться — только принимай... Привет Бармалею!

Чистов знал, что пару недель назад подполковник ушел из семьи: кто-то даже спрашивал, где он, собственно, сейчас живет. Теперь он знал ответ на этот вопрос, и этот ответ его не радовал.

Задумчиво мигая, машина выехала на улицу Красного Курсанта. По улице строем и поодиночке действительно двигались курсанты. Были они в спортивной форме и направлялись — в личное время — участвовать в футбольном первенстве. Курсанты переходили улицу в положенном месте, и полицейская машина их пропускала. Чистов всматривался в лица идущих. Обычные курсанты — не сказать, чтобы чрезмерно красивые. Переходят себе улицу повзводно, не пропускавая автомобили.

— Непруха, — сказал водитель. — Надо же было с ними столкнуться!

Майор бросил на него быстрый взгляд.

— А вы бы с кем предпочли столкнуться — с Бармалеем?

Возникла неловкая пауза. Почему нет — думал, возможно, водитель. Бармалей как раз таки мог выглядеть вполне импозантно. С бабочкой на шее и длинным черным зонтиком в руке. Спешить на свою улицу.

16 ИЮНЯ, 15:30

Машина приближалась к Бармалеевой улице. На ее пути неожиданно оказались еще две футбольные команды. Из качавшихся над головами игроков табличек следовало, что одна представляла Институт доисторических исследований, другая — Лаборато-